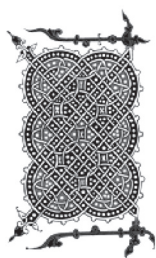

© 2023 Г. А. Романов

Москва, Россия

**РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ: ЛИСТОВА Т. А. ЛОГИКА
ФОРМИРОВАНИЯ НАРОДНО-ЦЕРКОВНЫХ ОБЫЧАЕВ: ЧИН
ПАНАГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОМИНАНИИ СОРОКОВОГО
ДНЯ (РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОЕ
ПОГРАНИЧЬЕ) // ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 2023.
№ 33. С. 54–67**

Аннотация. Апологетика народной паралитургии получила новый импульс в статье Т. А. Листовой за счет расширения темы сохранения религиозности в народной среде с помощью паралитургического творчества. В данном случае речь идет о народном «чине панагии», который автор считает церковным явлением. Однако рецензент показывает, что народная паралитургия утвердилась в отрыве от православной христианской традиции как результат искажения церковной жизни в униатский период.

Ключевые слова: паралитургическая народная практика, чин панагии, униатство, искажение православной традиции, русско-белорусско-украинское пограничье.

Ссылка при цитировании: Романов Г. А. Рецензия на статью: Листова Т. А. Логика формирования народно-церковных обычаев: чин панагии в современном поминании сорокового дня (российско-белорусско-украинское пограничье) // Традиции и современность. 2023. № 33. С. 99–102

Романов Григорий Александрович (Romanov Grigory Alexandrovich) – кандидат исторических наук, заместитель главного редактора научного православного журнала «Традиции и современность», эл. почта: grirom@list.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 33. С. 99–102

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 393.05; ББК – 86.372.24-54; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-33/99-102>

Статья Т. А. Листовой посвящена этнографическому изучению судеб паралитургической практики в районах российско-белорусско-украинского пограничья с конца XIX по XXI в.

Мнение редакции журнала в оценке собранного этнографического материала не совпадает с точкой зрения автора.

Изучение стихии народного паралитургического творчества представляется важным не столько из-за малоизученности, сколько из-за необходимости объективной оценки. Она зависит от церковной точки зрения на народную паралитургику. Поскольку не Церковь училась у народа, а народ обращался к церковной теме и образцам богослужения. В вопросах богослужений Церковь не может быть непервичной. Сохранение религиозности в тяжелых условиях гонений, инославной и иноэтнической среды важно и возможно, но не любой ценой, а лишь при соблюдении церковности (канонов, устава, традиции, преданий). За нарушениями канонов неизменно следует маргинальность, превращение церковного народа в замкнутые сектантские группы. И мы не вправе идти вслед за этнографическим материалом, не давая ему сущностной оценки.

Выбранная исследователем территория с конца XIV в. находилась в ведении Великого княжества Литовского, принявшего в конце концов католицизм в качестве государственной религии. Это привело к созданию в 1569 г. Речи Посполитой в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского на основе Люблинской унии. Православные священнослужители были изгнаны, а для православного населения организовано униатское богослужение на латинском языке. Оказавшиеся в инославном окружении славяне попытались защитить свою этническую идентичность, сохранив православную культуру на народном уровне. Так возникли паралитургические практики, дополнявшие на родном языке униатское богослужение. В них входили и паралитургические песнопения, пересказывавшие литургические тексты, и духовные стихи, и народные обряды, имитировавшие православную церковную жизнь. Паралитургические практики выражали горечь об утраченной Благодати Церкви и служили воспоминанием о былой гармонии религиозной жизни. В 1686 г. на украинско-белорусские земли вернулось Православие, и в XVIII в. паралитургические практики были запрещены. Их исполнение жестко преследовалось. Сохранялись только народные песнопения духовных стихов вне храма. Однако в конце XIX – начале XX в. были допущены местные послабления ради облегчения возвращения бывших униатов в Церковь. Священники допускали, по просьбе местных жителей, выполнение внебогослу-

жебных народных обрядов поминовения за здоровье и за упокой. Образцами для обрядов послужили, в том числе, и монастырские практики.

В статье рассматривается практика «чина панагии» – один из ярких примеров народной паралитургии, уводящей народную религиозность от первоначального значения монашеского чина панагии.

Объектом исследования автор выбрала внецерковные религиозные практики, в частности обычай поминания на сороковой день после смерти с поднятием хлеба или пирога, дополняющий в данной местности общетрадиционные для верующих действия. Обычай автор неправомерно назвала «соединением канонического чина Панагии с народной интерпретацией христианской идеи ухода в этот день души умершего». Сами участники событий так не называли свои действия. Автор приводит старинное название обычая в белорусских районах: «поднятие проскуры», «поднятие дарника». В других местах «воздух поднимают». Лишь иногда в разговорах со священниками чин панагии упоминается в качестве образца.

В монастырском «Чине о Панагии» братия попарно исходит из храма на трапезу, неся впереди на панагиаре богослужебную просфору, из которой на проскомидии была вынута частица в честь Божией Матери. «Панагия» в переводе с греческого означает «Всесвятая», как называют Богородицу. Ее и символизирует Богородичная просфора. По древнему преданию, апостолы после сошествия на них Святого Духа, собираясь на общую трапезу, оставляли за столом незанятое место для Иисуса Христа, полагая там хлеб. По окончании трапезы и после благодарственной молитвы они этот кусок (укрух) подымали с поминанием Иисуса Христа. Когда по блаженном успении Божией Матери в третий день апостолы сидели за трапезой, во время возношения хлеба в память Христа они увидели в воздухе Божию Матерь, окруженную ангелами, и воскликнули: «Пресвятая Богородице, помогай нам». Цель монастырского чина – настолько тесно соединить только что окончившуюся литургию с трапезой, чтобы и та, и другая явились одним богослужением, и первая сообщила свою благодать второй (Толковый Типикон. Вып. 2. М., 2003. С. 50–51).

Автор предполагает у народа право выражать свою религиозность, имитируя священно-обрядовые богослужебные действия вне храма, у себя дома, что на самом деле неблагоприятно и даже греховно. Это ярко показывают собранные исследователем примеры.

Автор сообщает, что в XIX в. поднимали хлеб на полотенце, что служило испрашиванием здоровья. Иногда хлеб заменяли специально испеченные хозяином пироги или булочки. В поднятии прини-

мал участие священник или все присутствовавшие. В записанных информантами XIX в. свидетельствах много непонятного, например: «священник пирог вместе с хозяином (?) поднимает три раза». Наверное, платок держали вместе и священник, и хозяин.

В исследуемых местностях поминальное блюдо на сороковой день отличалось от общепринятого. Вместо каши-кутби использовалось «коливо» (хлеб резаный), положенное в «узвар» (компот). На сороковой день заготовленные продукты на полотенце или платке поднимали в воздух перед употреблением. Автор признает, что не было общих правил исполнения обычая, а сохранившиеся описания часто непонятны.

Беда отстранения населения от православных богослужений повторилась в советское время, что послужило сигналом к возобновлению паралитургических практик. Кто-то что-то вспоминал, и тогда стали совершать народные обряды по принципу «кто во что горазд». Заздравные поминания перемешивались с поминаниями за упокой, добавлялось еще что-то от других обрядов, все сваливалось в кучу и выполнялось сразу подряд, причем в разных местах по-разному.

Разноголосица в описаниях выступает во всех элементах обряда. На платке поднимают «хлеб и вино», «хлеб, соль, сахар в стакане», «бутылку или компот, лимонад». Для обряда требуется белый хлеб, или три булочки, или пять булочек, или шесть булочек. Из хлеба или булочки сам хозяин вырезал треугольную частицу либо просто резал на части. Поднимая хлеб, умершего поминали за упокой, а присутствовавшим возглашали за здравие «многая лета».

Автор признает, что все описанные обряды являются паралитургическими практиками, а причиной их возникновения, вероятно, была реакция на униатство. Автор предлагает вывод: «Скорее всего, перенесение элементов церковных священнодействий в мирскую обрядность не было итогом продуманной рефлексии, хотя нельзя исключить и варианты осознанной соотнесенности своей практики с каноническими актами. Церковные богослужебные обряды могли воздействовать на формирование народной обрядности, поскольку воспринимались как безусловный эталон святости, обеспечивающий выход в божественный мир... Свою цель при написании статьи я определяла как желание показать многообразие церковной ритуалистики, соединяющей канонические священнодействия и обрядовые инициативы мирского населения, своеобразие которых отражает народные рефлексии на церковное учение о посмертной участи человека. В поминальный комплекс 40-го дня после смерти входит транс-

формированный и, в основном, переосмысленный чин панагии, обрядовые элементы которого, на мой взгляд, стали основой всего ритуала отправления умершего в иной мир. Судя по материалам XIX в., эту ситуацию можно считать традиционной для религиозно-обрядовой культуры региона, в значительной степени свою актуальность она сохраняет до настоящего времени. Конкретные примеры показывают причины и логику введения в поминальный комплекс обрядовых актов, не зафиксированных в канонических требниках, результатом чего становятся новые варианты церковных и народно-церковных обычаев».

Автор выражает довольно распространенную точку зрения на народную религиозность, как на «особый мир народной веры». Это интеллигентский взгляд на народ, который «всегда прав», даже в своих заблуждениях.

Нельзя не отметить, что регион русско-белорусского и белорусско-польского пограничья, особенно широко известного Полесья, отличается разнообразием народных обычаев, в том числе религиозных. Это разнообразие привлекает этнографов, но Церковь дает ему свою оценку. На этом цивилизационном и религиозном православно-католическом разломе процветало немало древних архаичных языческих обрядовых практик, исчезнувших в Центральной России, где Русская Православная Церковь могла действовать активно и системно. В силу этих двух причин народное творчество здесь было разнообразно.

Мы можем сравнить опыт бесцерковной жизни в советское время в центральных районах Советской России с приведенным в статье опытом и сделать вывод, что на народную среду первичное влияние оказывали: 1) длительность бесцерковной жизни; 2) окружение – иноэтничное, инославное, в данном случае католическое; 3) степень укорененности населения в церковную жизнь, что в значительной степени обуславливалось влиянием монастырей.

Подобной паралитургической практики в советское время в центральных регионах России не существовало. Церковная жизнь, конечно, упрощалась, но богослужебная жизнь не подвергалась кардинальной трансформации.

С нашей точки зрения, собранные этнографические наблюдения ярко показывают несостоятельность самостоятельных паралитургических обрядов. Инославная среда, лишение пасторского напутствия становятся большой бедой для православного народа. Без пастырского и архиастырского попечения сразу становятся видны слабости народной веры. Отсутствие архиастырского попечения в униатский период приводило к тому, что сами свя-

щенники начали заниматься таким же «народным творчеством», дополняя литургию собственными возгласами, правилами и т. д., то есть служили не по уставу.

Объективность оценки паралитургических практик не может быть внецерковной, чтобы не по-

лучилось так, что народ, вроде бы стремясь остаться с Православной Церковью, в результате уходил от нее или трансформировал ее изнутри. Опасность этого пути известна из опыта Католической Церкви, породившей многочисленные протестантские и сектантские течения.

REVIEW OF: LISTOVA, T. A. 2023. THE LOGIC OF THE FORMATION OF NATIONAL CHURCH CUSTOMS. THE CEREMONY OF LIFTING PANAGIA IN THE MODERN COMMEMORATION OF THE 40TH DAY (RUSSIAN-BELARUSIAN-UKRAINIAN BORDER). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 33: 54–67

Abstract. The apologetics of folk paraliturgics received a new impetus in the article by T. A. Listova by expanding the topic of preserving religiosity among the people with the help of paraliturgical creativity. In this case, we are talking about the folk «rite of panagia», which the author considers a church phenomenon. However, the reviewer shows that folk paraliturgics established itself in isolation from the Orthodox Christian tradition as a result of the distortion of church life in the Uniate period.

Keywords: paraliturgical folk practice, rite of panagia, Uniatism, distortion of the Orthodox tradition, Russian-Belarusian-Ukrainian borderland.

Authors Info: Romanov, Grigory A. – Ph. D. in History, Deputy Editor-in-Chief of the Scientific Orthodox Journal «Traditions and Modernity» («*Traditsii i sovremennost*») (Moscow, Russian Federation), E-mail: grirom@list.ru

For citation: Romanov, G. A. 2023. Review of: Listova, T. A. 2023. The logic of the formation of national church customs. The ceremony of lifting panagia in the modern commemoration of the 40th day (Russian-Belarusian-Ukrainian border). In *Traditsii i sovremennost* 33: 54–67. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 33: 99–102

